

РЕЧЬ ТОВАРИЩА М. А. ШОЛОХОВА

(Писатель, Ростовская парторганизация)

Товарищи делегаты! Для советской творческой интеллигенции, и в частности для советских писателей, прошедшие пять лет стали годами еще более тесного сплочения под знаменами Коммунистической партии, еще более ясного осознания своей ответственности за собственный политический кругозор, за эстетическую культуру, наконец, самое главное — за коммунистическое воспитание советского человека: зрителя, читателя, слушателя, собственно говоря, — именно тех, ради кого и существуют в нашей стране и литература, и искусство.

Если говорить о нашей литературе в глобальном плане, то можно с гордостью сказать, что, начиная с дней становления Советской власти, она честно и преданно служила своему народу, и голос ее, — как говорил наш великий русский поэт, — поистине «Звучал, как колокол на

башне вечевой,
Во дни торжеств и бед
народных».

(Аплодисменты).
Голос ее и в прошлом, и в настоящем далеко слышен за пределами нашей Родины, и как прежде, так и теперь он будит трудовое человечество и вызывает к разуму и сердцу каждого труженика в борьбе за подлинный прогресс, за мир, за коммунизм — самую передовую и самую надежную из надежд для всех мыслящих людей на нашей планете. (Аплодисменты).

Без ложной скромности можно сказать, что сделали мы очень много в смысле перевоспитания человека, средствами искусства воздействуя на его духовное пробуждение и рост. Общепризнанно, что наша литература — самая идейная литература. А назовите такую страну, чья литература могла бы соперничать с нашей в этом плане! Смело можно утверждать, что нет в мире такой страны и нет такой литературы!

Боевая роль советской литературы и искусства в мировом процессе развития художественной культуры определяется прежде всего зарядом коммунистической идейности и партийности, который присущ лучшим произведениям наших художников. Если говорить прямо, то именно это и вызывает яростную злобу у наших идеологических врагов, у их пособников — ревизионистов. Они хотели бы уговорить нас сойти с четких позиций убежденных борцов за социализм и коммунизм, отказаться от партийности и народности как основополагающих принципов художественного творчества.

Особенно усердствует в ниспровержении социалистического реализма бывший австрийский коммунист Фишер. Этот признанный специалист по части «абсолютной», ничем не ограниченной свободы творчества весьма старательно предаёт анафеме наше советское искусство. Фишер лицемерно скорбит о «скованности», «завербованности» художественного творчества в СССР. Дескать, вот бы его «расковать», «освободить» от партийности, от высоких обязанностей служения обществу!

Слово «фишер» в переводе с немецкого означает примерно «рыбак». (Смех в зале). Так вот, этот рыбак и другие закордонные рыбаки и пытаются закидывать удочки с несвежей наживкой в расчете изловить на эту приманку как можно больше простодушных карасей в мутной воде так называемого реализма без берегов. (Оживление в зале).

Маловато у нас этих самых доверчивых карасей, и жалкая пожива ждет хитроумных удильщиков! Вот уж про кого воистину можно сказать: «Удм-удм, а ухи есть не будем»... (Аплодисменты, смех в зале).

Но пора и нам в условиях невиданно обострившейся идеологической борьбы перейти в более решительное наступление и противопоставить усилиям ренегатов и ревизионистов всех оттенков наше безотказное оружие — ленинскую немеркнущую правду! (Аплодисменты). И в этом мы видим свою первоочередную задачу.

Все приведенное вначале сказано не для вящего возвеличения наших писательских успехов. Не будь партии, собравшей нас на этот съезд, не было бы и успехов нашей литературы, не было бы и самой советской литературы.

Сплотить воедино тысячи творческих жизней, начиная с Максима Горького и кончая ныне здравствующим, молодым писателем, и поставить

их на службу народу, его интересам — это под силу только нашей партии и благороднейшим идеям, кои ею руководят. (Аплодисменты). Это же здорово, товарищи, если вздуматься по-настоящему! (Аплодисменты).

Товарищи, говорю начистоту: почти эпическое и несколько торжественное вступление и ссылка на прошлые заслуги братьев-писателей понадобились мне для того, чтобы как-то смягчить вас, умиротворить, что ли, перед тем, как перейду к нашим достижениям и недостаткам, имевшим место в прошлую пятилетку. А то мне показалось по некоторым выступлениям в прениях, что вы настроились уж очень воинственно по отношению к литературе. (Смех в зале).

В Отчетном докладе ЦК нашей партии дана исчерпывающая оценка положения, ныне существующего в литературе и искусстве. Мы безусловно и безоговорочно согласны с этой оценкой. (Аплодисменты).

Как обстоят дела в нашем писательском хозяйстве? Не будем говорить о тех литераторах, которые заслуживают общественного презрения. Кого презирают, о том не говорят. Много чести. (Аплодисменты). Поговорим о тех, кто достоин доброго внимания, поговорим о деле. Секретарь московской писательской организации Сергей Наровчатов на Московской городской партийной конференции недавно сказал, что снайперов среди нас, писателей, не так уж много, но у нас немало воробьиловских стрелков, которые составляют костяк организации. (Аплодисменты). Таков, примерно, смысл его верного поэтического сравнения. Но Наровчатов не сказал о том, что среди стрелков есть изрядное число и таких, которые не только в «яблочко» или в «девятку» не попадают, а не попадают вообще в мишень. (Оживление в зале).

Про такие выстрелы солдаты говорят: «Пошла пуля за молоком». (Аплодисменты). И странные вещи происходят на литературном стрельбище: пуля, миновавшая мишень, подобно бумерангу, возвращается к стрелку-мазиле, но не поражает его, а и вправду приносит ему если не молоко, то авторский гонорар «детям на молочишко». (Смех в зале).

Положение было бы еще терпимо, если бы стрелки-мазилы стреляли пореже, не беглым огнем и не навскидку. Но не так уж редко зря расстреливаются дорогие патроны, и ущерб, иногда значительный, терпит прежде всего наш читатель. Однако попробуй, удали такого стрелка со стрельбища. Он утверждает, что находится на действительной писательской службе, всех уверяет, что он обещающий стрелок, что следующим выстрелом непременно поразит мишень. А сам и не думает об этом, ему и без попадания живется отлично! Во всяком случае не хуже, чем какому-либо ко-

ту, живущему за прилавком гастронома. (Аплодисменты, смех в зале).

Как избавиться от этой беды? Думается, что надо резко повысить требовательность со стороны редакционных работников издательств и журналов — не только областных, но и столичных. А кто, как не издательский или журнальный работник, должен быть первым заслоном на пути продвижения плохой книги? Литературная критика должна уйти от практики умолчания, когда имеет дело с плохим произведением, ее прямая обязанность — разобрать и оценить произведение сообразно его истинной ценности. Немалая доля вины здесь и на писательских организациях, которые не держат за серые фалды ненужную книгу.

Есть и другая сторона дела — это оплата авторского труда. Литературный труд для нас, советских писателей, естественно, никогда не был и не может быть средством наживы или обогащения. Прежде всего надо исходить из этого. Если на Западе писатель получает проценты от сумм, вырученных издательством после продажи книги, то эта система оплаты позволяет какому-либо знаменитому или просто модному писателю-бизнесмену, чьи книги расходятся большими тиражами, стать очень состоятельным человеком. А многие, прогрессивные литераторы едва сводят концы с концами. Понятно, что такая чисто коммерческая система абсолютно неприемлема для нас. Однако и в нашем авторском праве есть некоторые пункты, над которыми стоит призадуматься. Как ни парадоксально, это выглядит, но получается так, что за наиболее читаемую книгу, — а у нас это книга, обладающая наибольшими идейными и художественными достоинствами, — автор при многократных переизданиях получает все меньше и меньше, пока книга не будет включена в собрание его сочинений.

Есть у нас в Союзе советских писателей и еще ряд недоделок и неполадок в работе, но я не считаю возможным говорить об этом в целях экономии вашего времени. В июне этого года состоится Всесоюзный съезд писателей, и мы с радостью приглашаем на наш съезд всех ревнителей литературы. Уж там-то мы потрясем литературные коверы! И пыли нанюхаемся. (Оживление в зале).

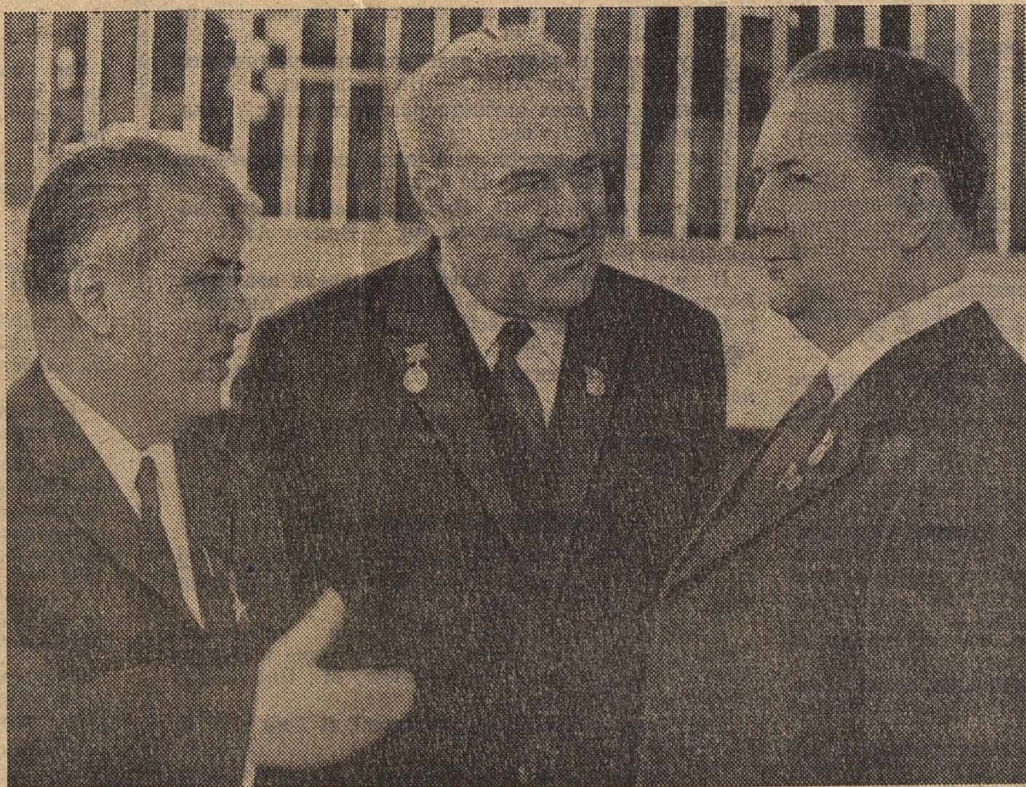
Тиражи книг у нас поистине гигантские. Однако читательский спрос превышает и эти тиражи. На голодном книжном пайке сидят даже библиотеки. Иная популярная книга доходит, по самым оптимальным подсчетам, лишь до одной из каждых пяти библиотек. А желание рабочего, колхозника, интеллигента иметь у себя дома полюбившуюся ему книгу — это ведь тоже надо учесть! Вот и посочувствуй товарищам из горкомов или райкомов, которым приходится подчас распределять книги, как самые де-

фицитные механизмы или материалы! Не хватает бумаги!

Вспоминается мне, как сердечно ратовал за художественную литературу на прошлом съезде Константин Иванович Галаншин. Тогда он был первым секретарем Пермского обкома и объяснялся нам в любви. (Оживление в зале). Теперь он министр целлюлозно-бумажной промышленности и молчит, как воды в рот набрал. (Аплодисменты. Смех в зале).

Дорогой Константин Иванович! Тогда мы всерьез поверили в вашу любовь, а сейчас обвиняем вас в непостоянстве. (Смех в зале. Аплодисменты). Посмотрите, Константин Иванович, как насторожились женщины-делегаты при одном слове — «непостоянство». Они, как и все женщины в мире, органически не приемлют этого слова! И тут я найду верных союзников, обвиняя вас в непостоянстве. (Аплодисменты). И что же это за любовь между нами? Любовь, как известно, требует и заверений, и если не жертв, то некоторых затрат. Мы не ждем от вас, Константин Иванович, ни гвоздик, ни милаых и мужественных улыбок. Бумаги нам дайте больше! Бумаги! Сверх плана, который вы, к нашему счастью, выполняете, и качеством поучите! Вот тогда мы окончательно уверуем в ваши чувства. Тогда уже мы — прозаики, сложившись, преподнесем вам роскошные цветы в не менее роскошной оберточной бумаге, а какая-нибудь юная поэтесса — чем черт не шутит! — напишет в вашу честь любовный мадригал! (Продолжительные аплодисменты). Получить любовный мадригал! Ведь это же заманчивая штука! Я бы и то не отказался, несмотря на мой почтенный возраст, а вам, дорогой Константин Иванович, и вовсе стоит над этим поразмыслить... (Оживление в зале, аплодисменты).

Вот, товарищи, и на что только не идешь ради бумаги! И о любви говоришь, и руку к сердцу прижимаешь, и галантным становишься до невозможности... Но если отбросить шутку, то в расходовании даже имеющейся бумаги нет у нас должного порядка. Уж в этом грехе ни тов. Галаншин, ни мы, писатели, неповинны. Бумагу расходует кто угодно, сколько угодно и на что угодно. Она же, как известно, все стерпит. Шутка сказать, почти половина названий книг, изданных в прошлом году в стране, — это так называемая ведомственная литература. Что скрывается за этой ширмой? Да что попало: пухлые канцелярские отчеты, столь же необятных габаритов ученые записки, разного рода «памятные», подарочные летописи — альбомы того или иного учреждения, немедленно после своего издания укладываемые в архив на прокорм мышам... И всяк норовит свой фоллиант в колени кор одеть, в многоцветную лакированную суперобложку, да чтоб непременно напечатать на лощеной бу-

Москва. XXIV съезд КПСС.

На снимке: делегаты съезда (слева направо) Герой Социалистического Труда писатель Мирзо Турсун-заде, народный артист СССР М. И. Царев и писатель Г. М. Марков.

Фото Н. Акимова
(Фотохроника ТАСС).

С О В Е Т С К О Г

маге. Непорядок в этом деле, товарищи делегаты, большой беспорядок. Чтобы устранить его, нужен государственный и суровый подход к делу. Потому, что растет тенденция к выпуску ведомственной литературы, и это тревожит!

Перед завершением разговора вернемся, однако, к его началу. Прав тов. Наровчатов, когда утверждает, что основную тяжесть по созданию литературы несут те, кого он назвал ворошиловскими стрелками.

У нас растет талантливая молодая смена. Старшее поколение писателей возлагает на нее большие надежды. Можно утверждать, что в литературу пришло и поступает хорошее пополнение. Мы рады, что эстафету принимают руки художников, которые нужны нашему обществу. Это люди интересные, мыслящие патристически, всматривающиеся в глубины жизни. Порою молодежь задириста, резковата в своих оценках тех или иных явлений, но одно ценно: она не равнодушна, пытлива, в постоянном поиске. Порою не хватает ей опыта. Но за нею, за писательской молодежью, будущее нашей литературы, ей это будущее создавать, ей за него и отвечать. (Аплодисменты). Вы понимаете, конечно, что я не делю тут нашу творческую молодежь на «чистых» и «нечистых», а говорю о молодежи в целом. Я говорю о новом писательском пополнении, о свежих силах советской литературы.

Но прошу учесть одно обстоятельство: мы, писатели старшего поколения, тоже еще кое-что стоим. Как вам известно, все мы, писатели, находимся, как и остальные граждане великого Советского Союза, на военном учете. И если писателей старших возрастов товарищи Гречко и Епишев не увольняют из запаса в отставку, то, стало быть, есть у них хозяйский расчет на то, что мы еще пригодимся, что мы народ надежный и на нас можно положиться в любом случае жизни и при любых обстоятельствах. (Аплодисменты). Это ли не свидетельство, весьма лестное для нас, того, что мы нужны не только в труде, но и в обороне!

Думая о новой пятилетке, мне трудно говорить, как вы понимаете, языком цифр и процентов. Если вы спросили бы у меня, сколько за этот период выйдет больших произведений, сколько средних и малых, то на этот вопрос не смог бы ответить вам не только я, но даже весь секретариат Союза писателей.

Да ведь и дело-то не в количестве, а в качестве. Все мы, советские писатели, глубочайше убеждены в том, что за эти годы создадим значительные произведения, на идейно-художественном уровне, полностью отвечающем возросшим требованиям нашего читателя.

Смеем вас уверить, что крепкая порука этому — наша преданность делу партии и народа, наше горячее стремление отдать все силы и способности на служение великим идеям коммунизма. (Продолжительные аплодисменты).